

В любое время Лу Шабай оставалась человеком мягким и заботливым.

Не зная, о чем думает Вэй Хуэй, Лу Шабай выглянула из-за двери с улыбкой на лице.

Закончив с делами Вэй Хуэй, она закрыла дверь гостевой комнаты и обратилась к Е Инь, которая тихо стояла рядом:

— Пойдем наверх, хорошо?

Девушка казалась слегка ошеломленной, словно погруженной в свои мысли.

Лу Шабай взяла ее за руку и повела вверх по лестнице, а Е Инь покорно следовала за ней, шаг за шагом.

Комната Лу Шабай, в которую они не заходили какое-то время, претерпела небольшие изменения: постельное белье стало розовым, на кровати появилась подушка в виде кактуса, а шторы также сменились на розовые. Видимо, она решила попробовать новый стиль, хотя это несколько контрастировало с ее привычным черно-бело-серым интерьером.

— Я так голодна, — внезапно произнесла Е Инь, усевшись на ковер у балкона и взяв подушку, не желая встать.

Лу Шабай внимательно посмотрела на нее. Ее тон напоминал тот, что она использовала в роли, но слова звучали искренне, как будто это была настоящая просьба.

— Лапша янчунь с яйцом, — села рядом Лу Шабай, сначала нежно и твердо обняла ее, чтобы девушка почувствовала тепло любимого человека и постаралась вернуться в реальность. К счастью, Е Инь не сопротивлялась, что немного успокоило Лу Шабай. — Будешь?

— Буду.

Е Инь кивнула, не желая говорить больше. Когда Лу Шабай встала, она не последовала за ней, словно намереваясь остаться на ковре навсегда.

Лу Шабай хотела пойти с ней, ведь ей было беспокойно оставлять Е Инь одну.

Но она не хотела давить на нее.

Подумав, Лу Шабай достала из шкафа браслет, который она почти закончила плести, и положила его в руки Е Инь, мягко спросив:

— Поможешь мне доделать?

Е Инь не отказалась, взяла браслет и уставилась на разноцветные нити, словно погружившись в свои мысли.

Лу Шабай легонько коснулась ее лба своим. По сравнению с предыдущим объятием, это, кажется, сработало как переключатель. Е Инь словно очнулась и ответила своим привычным, живым голосом:

— Хорошо, я доделаю и подарю тебе, а ты сваришь мне лапшу, да?

— Десять минут, — незаметно убедившись, что в комнате нет ничего опасного, а двери и окна закрыты, Лу Шабай спустилась на кухню. — Сейчас вернусь.

Она редко готовила дома, но основные продукты вроде лапши, яиц и помидоров у нее всегда были в запасе, чтобы можно было быстро приготовить ночной перекус.

Е Инь повезло: в холодильнике оказался бульон из свиных ребрышек, который Лу Шабай приготовила для утренней лапши на выходных.

Одну кастрюлю она поставила для лапши, а в другой нагревала бульон.

Достав из холодильника два помидора, Лу Шабай промыла их под водой, пока ее мысли блуждали в прошлом.

На самом деле, она не впервые сталкивалась с тем, что актер слишком глубоко погружается в роль.

У нее был богатый опыт в таких ситуациях.

Она невольно горько усмехнулась. Забавно было то, что ее опыт исходил не от подопечных, а от нее самой.

Хотя она помогла не одной актрисе достичь звания «королевы экрана», Лу Шабай понимала, что их успех можно было повторить, а их собственный актерский талант едва достигал порога мастерства.

А она сама, будучи студенткой, действительно пережила момент, когда полностью слилась с ролью.

Это ощущение до сих пор заставляло ее дрожать. Тогда она чувствовала, будто попала в другой мир, перестала быть собой и стала лишь сосудом для персонажа, его продолжением.

Лу Шабай отчетливо помнила, как во время учебы им нужно было снять короткометражку. Когда актер, который должен был играть главную роль, отказался в последний момент, они обратились к ней, самой подходящей по внешности.

Она сама не хотела отказываться.

Для нее, страстно любящей кино, возможность попробовать себя в роли актрисы была слишком заманчивой.

Посетив несколько занятий по актерскому мастерству, она нанесла грим и вышла перед камерой.

Сначала ей было весело, но по мере съемок Лу Шабай думала о том персонаже все больше времени. Это был сценарий, который она сама очень любила и в который вложила много сил, ей было легко проникнуться им.

В конце концов, она погрузилась в этот водоворот и долго не могла из него выбраться.

После этого Лу Шабай поклялась никогда больше не заниматься актерством. Она, человек, который всегда стремился к победе, впервые ощутила страх.

Пузырьки в кастрюле с бульоном напомнили ей, что он уже закипел, и вывели из воспоминаний.

Лу Шабай перестала думать, сосредоточилась на готовке, забросила лапшу в бульон и

поджарила яйцо на сковороде.

Хотя она не была мастером кулинарии, но с жаркой яиц у нее все получалось идеально. Яйцо, попав на сковороду, быстро приобрело золотистую корочку, а аромат белка и желтка наполнил кухню.

Наконец, она разложила все по тарелкам, взяла деревянный поднос и отнесла наверх.

Хотя она не хотела вспоминать, но после того страшного опыта Лу Шабай инстинктивно знала, как помочь человеку, слишком глубоко погружившемуся в роль.

Прежде всего, нужно было мягко вернуть его в реальность.

Е Инь, как и прежде, сидела на ковре, обхватив колени, и сосредоточенно плела браслет.

— Я почти закончила, — подняла она голову и улыбнулась Лу Шабай.

Лу Шабай поставила тарелку с лапшой на столик и, увидев ее улыбку, почувствовала легкий трепет.

Это была осторожная улыбка, которая не подходила Е Инь, а скорее напоминала выражение лица Янь Сяофэй.

— Давай сначала поешь, — Лу Шабай села рядом, обняла ее за плечи и забрала браслет. — Потом продолжишь, я буду с тобой.

Она наблюдала за выражением лица Е Инь, пытаясь найти момент, когда та вернется к реальности.

Под ее прикосновением Е Инь постепенно возвращалась к себе. Девушка взяла тарелку, погрузила в нее лицо и, забыв о диетах, с удовольствием ела.

Лапша была мягкой, сверху лежало идеально поджаренное яйцо, пропитанное насыщенным бульоном, и на языке Е Инь оно словно танцевало.

Жизнь. Любовь. Вкус. Сытость.

Эти слова всплывали в ее оцепеневшем сознании, и она чувствовала, как ее душа постепенно возвращается на землю, к Лу Шабай, и хочет остаться здесь навсегда.

— А-бай, — тихо позвала она свою любимую, голос дрожал. — Твоя лапша такая вкусная.

Она поставила тарелку и, словно ухватившись за спасательный круг, бросилась в объятия Лу Шабай.

— Я буду готовить для тебя и впредь.

Лу Шабай обняла ее, нежно поглаживая волосы, стараясь дать как можно больше тепла.

Больше тепла, больше земного, больше любви.

— Завтра приготовлю холодную лапшу с курицей.

Поведение Е Инь помогло Лу Шабай понять, что разделяет реальность и вымысел в ее мире.

Это была она сама. Лу Шабай осознала это и не смогла сдержаться, опустив голову, чтобы коснуться лбом макушки Е Инь.

Она не хотела быть такой слабой, ведь сейчас ей следовало быть сильной, чтобы помочь Е Инь выбраться из роли.

Но ей так хотелось просто нежно прижиматься к ее волосам, словно два маленьких существа, зализывающих раны друг друга.

После ночного перекуса Лу Шабай наполнила ванну теплой водой и уговорила Е Инь присоединиться к ней.

Раньше Е Инь была бы в восторге, излучая радость и возбуждение.

Но сегодня она лишь покорно вошла в ванну, свернулась калачиком и позволила воде смыть усталость.

Лу Шабай сидела напротив, глядя на лицо Е Инь, окутанное паром.

Девушка была по-прежнему прекрасна: опущенные веки, длинные ресницы, кожа, которая словно светилась.

Но она стала гораздо молчаливее.

<http://bllate.org/book/15554/1414866>